

Стивен Ликок

Юмористические рассказы

Перевод с английского
Деборы Лившиц

ФТМ

Стивен Батлер Ликок Юмористические рассказы (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24393108
Юмористические рассказы: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-3089-6*

Аннотация

Имя канадского писателя и экономиста Стивена Ликока (1869–1944) прочно вошло в историю канадской и мировой литературы. Ликок завоевал широкую популярность, как живой и остроумный рассказчик, замечательный мастер комических ситуаций и характеров, остро ощущавший противоречия жизни. Ликок опубликовал свыше тридцати сборников юмористических очерков и рассказов, а также ряд теоретических работ, посвященных проблемам юмора в литературе. Наибольшую популярность приобрели такие его сборники, как «Проба пера», «Романы шиворот-навыворот», а также работы «Теория и техника юмора», «Юмор и человечество. Введение к изучению юмора». Как говорил автор: «Многие из моих друзей полагают, что я пишу юмористические безделушки в минуты досуга, когда мой утомленный мозг не способен размышлять о таких серьезных материях, как экономика».

Содержание

Из сборника «Проба пера» (1910)	4
Моя банковская эпопея	4
Тайна лорда Оксхеда	10
Трагическая гибель Мельпоменуса Джонса	20
Как дожить до двухсот лет	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Стивен Ликок

Юмористические рассказы

Из сборника «Проба пера» (1910)

Моя банковская эпопея

Когда мне случается попасть в банк, я сразу пугаюсь. Клерки пугают меня. Окошечки пугают меня. Вид денег пугает меня. Решительно все пугает меня.

В ту самую минуту, как я переступаю порог банка и собираюсь проделать там какую-нибудь финансовую операцию, я превращаюсь в круглого идиота.

Все это было известно мне и прежде, но все-таки, когда мое жалованье дошло до пятидесяти долларов в месяц, я решил, что единственное подходящее для них место – это банк.

Итак, еле передвигая ноги от волнения, я вошел в зал для операций и начал робко озираться по сторонам. Мне почему-то казалось, что перед тем, как открыть счет, клиент должен непременно посоветоваться с управляющим.

Я подошел к окошечку, над которым висела табличка «Бухгалтер». Бухгалтер был высокий хладнокровный субъект. Уже один его вид испугал меня. Голос мой внезапно стал

замогильным.

– Не могу ли я поговорить с управляющим? – спросил я. И многозначительно добавил: – С глазу на глаз.

Почему я сказал «с глазу на глаз», этого я не знаю и сам.

– Сделайте одолжение, – ответил бухгалтер и пошел за управляющим.

Управляющий был серьезный, солидного вида мужчина. Свои пятьдесят шесть долларов я держал в кармане, так крепко зажав их в кулаке, что они превратились в круглый комок.

– Вы управляющий? – спросил я, хотя, видит бог, я несколько в этом не сомневался.

– Да, – ответил он.

– Могу я переговорить с вами... с глазу на глаз?

Мне не хотелось повторять это «с глазу на глаз», но иначе все было бы слишком обыденно.

Управляющий взглянул на меня не без тревоги. Видимо, он подумал, что я собираюсь открыть ему какую-то страшную тайну.

– Прошу вас, – сказал он; потом провел меня в кабинет и повернул ключ в замке. – Здесь нам никто не помешает. Присядьте.

Мы оба сели и уставились друг на друга. Внезапно я почувствовал, что не могу выдать из себя ни одного слова.

– Вы, должно быть, из агентства Пинкертон? – спросил он.

Мое загадочное поведение навело его на мысль, что я сыщик. Я понял это, и мне стало еще хуже.

– Нет, я не от Пинкертона, – сказал я наконец, как бы намекая на то, что явился от другого, конкурирующего агентства. – По правде сказать... – продолжал я, словно до сих пор кто-то заставлял меня лгать. – По правде сказать, я вообще не сыщик. Я пришел открыть счет. Я намерен держать в этом банке все свои сбережения.

У управляющего, видимо, отлегло от сердца, но он все еще был настороже. Теперь, очевидно, он решил, что перед ним сын барона Ротшильда или Гулд-младший¹.

– Сумма, должно быть, значительная? – спросил он.

– Довольно значительная, – пролепетал я. – Пятьдесят шесть долларов я намерен внести сейчас же, а в дальнейшем буду вносить по пятьдесят долларов каждый месяц.

Управляющий встал, распахнул дверь и обратился к бухгалтеру.

– Мистер Монтгомери! – произнес он неприятно-громким голосом. – Этот господин открывает счет и желает внести пятьдесят шесть долларов... До свидания.

Я встал.

Справа от меня была раскрыта массивная железная дверь.

– До свидания, – сказал я и шагнул прямо в сейф.

– Не сюда, – холодно произнес управляющий и указал мне на другую дверь.

---

¹ Джей Гулд (1836–1892) – один из крупнейших американских миллионеров.

Подойдя к окошечку, я сунул туда комок денег таким судорожным движением, словно показывал карточный фокус.

Лицо мое было мертвенно-бледно.

– Вот, – сказал я, – положите это на мой счет.

В тоне моих слов как бы звучало: «Давайте покончим с этим мучительным делом, пока еще не поздно».

Клерк взял деньги и передал их кассиру.

Потом мне велели проставить сумму на каком-то бланке и расписаться в какой-то книге. Я уже не сознавал, что делаю. Все расплывалось перед моими глазами.

– Готово? – спросил я глухим, дрожащим голосом.

– Да, – ответил кассир.

– В таком случае я хочу выписать чек.

Я предполагал взять шесть долларов на текущие расходы. Один из клерков протянул мне через окошечко чековую книжку, а другой начал объяснять, как заполнять чек. У всех служащих банка, очевидно, создалось впечатление, будто я какой-нибудь слабоумный миллионер. Я что-то написал на чеке и подал его кассиру. Тот взглянул на чек.

– Как? – с удивлением спросил он. – Вы забираете все?

Тут я понял, что вместо цифры шесть написал пятьдесят шесть. Но дело зашло слишком далеко. Теперь уже поздно было объяснять то, что случилось. Все клерки перестали писать и уставились на меня.

С мужеством отчаяния я ринулся в бездну.

– Да, все, – ответил я.

– Вы берете из банка все ваши деньги?

– Все, до последнего цента.

– И в дальнейшем тоже не собираетесь что-нибудь вносить? – с изумлением спросил кассир.

– Никогда в жизни.

У меня вдруг блеснула нелепая надежда – а не подумали ли они, будто я на что-то обиделся, когда писал чек, и только поэтому раздумал держать у них деньги? Я сделал жалкую попытку притвориться человеком необычайно вспыльчивого нрава.

Кассир приготовился платить мне деньги.

– Какими вы желаете получить? – спросил он.

– Что?

– Какими вы желаете получить?

Ах, вот он о чем... До меня наконец дошел смысл его вопроса, и я ответил, уже не понимая, что говорю:

– Пятидесятидолларовыми билетами.

Он протянул мне билет в пятьдесят долларов.

– А шесть? – спросил он сухо.

– Шестидолларовыми билетами, – сказал я.

Он дал мне шестидолларовую бумажку, и я ринулся к выходу. Когда тяжелая дверь медленно затворялась за мной, до меня донеслись раскаты гомерического хохота, которые сотрясали своды здания.

С той поры я больше не имею дела с банком. Деньги на повседневные расходы я держу в кармане брюк, а свои сбе-

режения – в серебряных долларах – храню в старом носке.

Тайна лорда Оксхеда

Рыцарский роман в одной главе

Все было кончено. Разорение наступило. Лорд Оксхед² сидел в своей библиотеке, устремив взгляд на огонь, пылавший в камине. Снаружи, вокруг башен и башенок родового гнезда Оксхедов, выл (или завывал) ветер. Но старый граф не обращал внимания на этот ветер, завывавший вокруг его поместья. Он был слишком глубоко погружен в свои мысли.

Перед ним лежала груда синих листков с печатными заголовками. Время от времени он вертел их в руках, а потом снова с глухим стоном опускал на стол. Эти листки означали для графа разорение, полное, непоправимое разорение, а вместе с ним и потерю величественного замка, являвшегося гордостью многих поколений Оксхедов. Более того – теперь страшная тайна его жизни должна была сделаться всеобщим достоянием.

Граф опустил голову, исполненный горечи и печали, – самолюбие отпрыска этого славного рода было жестоко уязвлено. Со всех сторон смотрели на него портреты предков. Справа висел тот Оксхед, который впервые получил боевое крещение при Креси или несколько раньше. Слева – Мак-Уинни Оксхед, тот, что умчался с Флодденского поля брани,

---

² Оксхед (Oxhead) – бычья голова (англ.).

чтобы сообщить перепуганным жителям Эдинбурга все слухи, какие ему удалось собрать дорогой. Рядом с ним смуглый полуиспанец, сэр Эмиас Оксхед, живший во времена Елизаветы, тот Оксхед, чья пинасса первой приплыла в Плимут с вестью, что английский флот (насколько об этом можно было судить, находясь от него на почтительном расстоянии), по-видимому, намерен схватиться с Испанской армадой. Под ним два брата, два роялиста: Джайлс и Эверард Оксхеды, которые некогда сидели на ветках дуба рядом с Карлом Вторым³. Справа еще один портрет – сэр Понсонби Оксхед, тот самый, что сражался в Испании вместе с Веллингтоном и за это получил отставку.

Прямо перед графом, над камином, висел щит с фамильным гербом Оксхедов. Даже ребенок понял бы его простое и горделивое значение: на червленом поле, в левой его четверти, пика и стоящий на задних ногах бык, а в центре вписанная в параллелограмм собака и девиз – «Hic, haec, hoc, hujus, hujus, hujus».

– Отец!

Звонкий девичий голосок прозвучал в полутемной, отделанной деревянными панелями библиотеке, и Гвендолен Оксхед бросилась графу на шею. Она вся светилась счастьем.

---

³ Спасаясь бегством после разгрома своей армии при Вустере (3 сентября 1651 г.), Карл II был вынужден спрятаться от преследовавших его солдат Кромвеля в ветвях дуба.

Это была красивая девушка тридцати трех лет, от которой так и веяло чисто английской свежестью и невинностью. На ней был прелестный костюм из сурового полотна – излюбленный туалет английской аристократки – с широким кожаным ремнем, плотно охватывавшим тонкую талию. Она держала себя с изысканной простотой, составлявшей главное ее очарование. Пожалуй, в ней было больше простоты, чем в любой другой девушке ее возраста на сотни миль вокруг. Гвендолен являлась гордостью отцовского сердца, ибо он видел в ней олицетворение всех высоких качеств своего древнего рода.

– Отец, – сказала она, и легкая краска прилила к ее прелестному лицу, – я так счастлива! О, я так счастлива! Эдвин сделал мне предложение, и мы дали друг другу слово – разумеется, если вы согласитесь на наш брак... Потому что я никогда не выйду замуж без согласия моего отца, – добавила она, горделиво вскидывая голову. – Я слишком хорошо помню, что ношу имя Оксхедов.

Внезапно девушка заметила опечаленное лицо отца, и ее настроение сразу изменилось.

– Отец! – вскричала она. – Что с вами? Вы нездоровы? Не позвонить ли мне?

С этими словами Гвендолен схватила толстый шнур, свисавший с потолка, но граф, испугавшись, как бы отчаянные усилия девушки и в самом деле не привели звонок в действие, остановил ее руку.

– Я действительно сильно встревожен, – сказал он, – но об этом после. Сначала расскажи мне подробнее о том, что произошло. Я надеюсь, Гвендолен, что твой выбор достоин члена семьи Оксхедов и что тот, кому ты дала слово, будет достоин поставить наш девиз рядом со своим собственным.

И, подняв глаза к висевшему напротив него щиту, граф полубессознательно прошептал: «Нис, хаес, нос, hujus, hujus, hujus», быть может, моля небо о том, чтобы никогда не забыть этих слов, как об этом уже молили до него многие из его предков.

– Отец, – с легким смущением продолжала Гвендолен, – Эдвин американец.

– Право же, ты удивляешь меня, – ответил лорд Оксхед. – А впрочем... – тут же добавил он, поворачиваясь к дочери с тем изысканным изяществом, которое отличало этого истинного аристократа. – Впрочем, почему бы нам не питать уважения к американцам и не восхищаться ими? Бесспорно, среди них были великие имена. Если не ошибаюсь, даже наш предок, сэр Эмиас Оксхед, был женат на некой Покахонтас... Во всяком случае, если он, так сказать, и не был женат, то...

Тут граф на секунду замялся.

– ...то они любили друг друга, – просто сказала Гвендолен.

– Вот именно, – с облегчением подтвердил граф, – они любили друг друга. Именно так.

Затем он проговорил, словно размышляя вслух:

– Да, было немало великих американцев. Боливар был американцем. Оба Вашингтона – Джордж⁴ и Букер⁵ – тоже были американцами. Были еще и другие, но сейчас я не могу припомнить их имена... Однако скажи мне вот что, Гвендолен: где находится родовой замок этого твоего Эдвина?

– В Ошкоше, отец, в Висконсине.

– Ах вот как? – воскликнул граф с внезапно пробудившимся интересом. – Ошкош – это и в самом деле известная старинная фамилия. Это русская фамилия. Некий Иван Ошкош приехал в Англию вместе с Петром Великим и женился на моей прародительнице. Их потомок во втором колене, Микступ Ошкош, сражался во время московского пожара, а также позднее – во время разграбления Саламанки и при заключении Адрианопольского мира. И Висконсины тоже... – продолжал старый аристократ, лицо которого разгорелось от возбуждения, ибо он питал страсть к геральдике, генеалогии, хронологии и коммерческой географии. – Висконсины, или, вернее, Гвисконсины, – это тоже старинный род. Один из Гвисконсинов последовал за Генрихом Первым в Иерусалим и спас моего предка Хардупа Оксхеда от сарацинов. Другой Гвисконсин...

– Нет, отец, – мягко прервала его Гвендолен, – Висконсин – это не фамилия Эдвина. Это, очевидно, название его

---

⁴ Джордж Вашингтон (1732–1799) – выдающийся американский государственный деятель, первый президент США (1789–1797).

⁵ Букер Вашингтон (1856–1915) – негритянский общественный деятель США.

поместья. Моего возлюбленного зовут Эдвин Эйнштейн.

– Эйнштейн? – повторил граф с ноткой сомнения в голосе. – Должно быть, это индейское имя. Впрочем, многие индейцы принадлежат к очень знатным семьям. Один из моих предков...

– Отец, – снова прервала его Гвендолен, – вот портрет Эдвина. Взгляните на него, и вы сразу поймете, что это человек благородный.

С этими словами она вложила в руку отца американскую ферротипию, в которой преобладали розовые и коричневые тона. На ней был изображен типичный американец того англо-семитского типа, который столь часто встречается среди людей, ведущих свое происхождение от смешанных браков между англичанами и евреями. Он был высок ростом – свыше пяти футов двух дюймов. Покатые плечи гармонировали с тонкой, стройной талией и гибкими, цепкими руками. Бледность лица еще рельефнее оттенялась черными усами с опущенными кончиками.

Таков был Эдвин Эйнштейн – тот, кому Гвендолен уже отдала если не руку свою, то сердце. Их любовь была такой естественной и в то же время такой необыкновенной. Гвендолен казалось, что это случилось вчера, а между тем они были знакомы уже три недели. Любовь с непреодолимой силой бросила их в объятия друг друга. Для Эдвина красивая английская девушка с древним именем и огромными поместьями таила в себе обаяние, в котором он не решался при-

знать даже самому себе. Он решил добиться ее руки. Для Гвендолен манеры Эдвина, драгоценности, которые он любил носить, крупное состояние, которое ему приписывала молва, заключали в себе нечто такое, что задевало самые романтические и рыцарские струны ее души. Ей нравилось слушать его рассказы об акциях и облигациях, о купле и продаже, о колоссальных торговых предприятиях его отца. Все это казалось ей таким возвышенным, стоящим настолько выше жалкого существования тех, кто жил вокруг нее. Эдвину тоже нравилось слушать рассказы девушки о поместьях ее отца, о мече с усыпанной бриллиантами рукоятью, подаренном или, может быть, одолженном ее предку Саладином сотни лет назад. Ее рассказы об отце, об этом старом аристократе, затрагивали самые благородные чувства прекрасного сердца Эдвина. Он без конца расспрашивал ее, сколько старику лет, крепок ли он здоровьем, как отразился на нем недавно перенесенный удар и т. д. А потом настал вечер, который Гвендолен любила вновь и вновь освежать в своей памяти, – вечер, когда Эдвин со свойственными ему прямо-той и мужественностью спросил ее, согласна ли она – при условии подписания кое-каких пунктов соглашения, о которых они столкнутся позднее, – стать его женой, и когда она, доверчиво вложив свою ручку в его руку, просто ответила, что – при условии согласия ее отца, соблюдения всех необходимых формальностей и, разумеется, после наведения соответствующих справок – она согласна.

Все это было похоже на сон. И вот теперь Эдвин Эйнштейн явился, чтобы лично просить руки Гвендолен у графа, ее отца. Да, в эту минуту он стоял в холле и в ожидании своей избранницы, отправившейся к лорду Оксхеду, чтобы осторожно сообщить ему столь важную новость, исследовал перочинным ножичком позолоту картинных рам.

Гвендолен между тем собрала все свое мужество и наконец решилась.

– Папа, – сказала она, – я обязана сказать тебе еще одно. Отец Эдвина коммерсант.

Граф привскочил на своем кресле от невыразимого изумления.

– Коммерсант! – повторил он. – Отец претендента на руку дочери одного из Оксхедов – коммерсант! Моей дочери – падчерицы дедушки моего внука! Или ты лишилась рассудка, дочь моя? Это уж слишком, нет, это уж слишком!

– Ах, отец! – с болью воскликнула прекрасная девушка. – Умоляю, выслушайте меня. Ведь коммерсант – это только отец Эдвина, Саркофагус Эйнштейн-старший, а не сам Эдвин. Эдвин ничего не делает. За всю свою жизнь он не заработал и пенни. Он совершенно не способен содержать себя. Вам стоит только взглянуть на него – и вы сразу убедитесь, что это так. Право же, дорогой отец, он совершенно такой же, как вы. Сейчас он здесь, в этом доме, и ждет позволения увидеться с вами. Не будь он так богат...

– Девочка, – строго сказал граф, – меня не интересует,

богат человек или беден. Сколько у него?

— Пятнадцать миллионов двести пятьдесят тысяч долларов, — ответила Гвендолен.

Лорд Оксхед прислонился головой к доске камина. В душе у него царило смятение. Он пытался подсчитать доход с капитала в пятнадцать с четвертью миллионов долларов при четырех с половиной процентах годовых в переводе на фунты, шиллинги и пенсы. Увы, его мозг, истощенный долгими годами роскошной жизни и легких мыслей, превратился в слишком тонкий, слишком рафинированный инструмент для арифметических вычислений.

В эту минуту дверь отворилась, и Эдвин Эйнштейн внезапно предстал перед графом. Впоследствии Гвендолен никогда не могла забыть того, что произошло. Всю жизнь ее преследовала эта картина — Эдвин стоит в дверях библиотеки, и его ясный, открытый взгляд прикован к бриллиантовой булавке в галстук ее отца, а он, отец, поднял голову, и на лице его написаны ужас и изумление.

— Вы! Это вы! — задыхаясь, прошептал он.

Он встал во весь рост, с секунду постоял, шатаясь и словно бы хватаясь руками за воздух, а потом рухнул на пол и растянулся во всю длину. Влюбленные бросились на помощь к графу. Эдвин сорвал с него галстук и выдернул бриллиантовую булавку, чтобы граф мог вздохнуть глубже. Но было уже поздно. Граф Оксхед испустил дух. Жизнь покинула его.

Он угас. Другими словами, он был мертв.

Причина его смерти так и осталась неизвестной. Быть может, его убило появление Эдвина? Да, это возможно. Старый домашний врач, за которым немедленно послали, признался, что ничего не понимает. И это тоже было вполне правдоподобно. Сам Эдвин не смог дать никаких объяснений. Но все заметили, что молодой человек после смерти графа и после того, как он женился на Гвендолен, совершенно переменился. Он стал лучше одеваться, стал значительно лучше говорить по-английски.

Свадьба была тихой, почти печальной. По просьбе Гвендолен свадебный обед был отменен; не было подружек невесты, не было гостей. Уважая скорбь девушки по случаю ее тяжелой утраты, Эдвин, в свою очередь, настоял на том, чтобы не было ни шафера, ни цветов, ни подарков, ни медового месяца.

Итак, тайна лорда Оксхеда умерла вместе с ним. Боюсь, что она была настолько запутанной, что уже не представляет ни для кого особого интереса.

Трагическая гибель Мельпоменуса Джонса

Есть люди – разумеется, не вы и не я, ведь мы с вами обладаем таким твердым характером, – итак, есть люди, которые почему-то никак не могут сказать «до свидания», когда забегают мимоходом к своим знакомым или приходят провести у них вечерок. Чувствуя, что наступил момент, когда пора отправляться домой, гость встает и произносит, запинаясь:

– Вот что... По-моему, мне...

Тогда хозяева говорят:

– Ах, что вы! Неужели вам уже надо идти? Ведь еще так рано!

И тут начинается нелепое состязание в вежливости.

Пожалуй, самым прискорбным из всех известных мне случаев подобного рода был случай с моим бедным другом Мельпоменусом Джонсом – помощником приходского священника, милейшим молодым человеком. И ведь ему было всего только двадцать три года! Он буквально не мог уходить из гостей. Он был слишком робок, чтобы солгать, и слишком добрый христианин, чтобы позволить себе быть грубым. И вот, как-то летом, в первый же день своего отпуска, он зашел к знакомым. Впереди у него было целых шесть недель – шесть свободных, всецело принадлежащих ему недель. Он немного поболтал, выпил две чашки чая, а потом, набрав-

шись храбрости, неожиданно произнес:

– Вот что... По-моему, мне...

Но хозяйка дома возразила:

– О нет, мистер Джонс! Неужели вы не можете посидеть еще немного?

Джонс всегда был правдив.

– Могу, – сказал он. – Да, конечно... гм... я могу посидеть.

– Ну тогда, пожалуйста, не уходите.

Он остался. Он выпил одиннадцать чашек чая. Начало темнеть. Он снова встал.

– Ну вот, – сказал он робко, – теперь, пожалуй, мне действительно...

– Вам уже пора идти? – вежливо спросила хозяйка. – А я думала, что вы могли бы остаться и пообедать с нами.

– Да, разумеется, мог бы, – сказал Джонс, – если только...

– В таком случае, пожалуйста, оставайтесь. Я уверена, что муж будет очень рад.

– Хорошо, – сказал он покорно, – я останусь.

И Джонс снова опустился в кресло, чувствуя, что он переполнен чаем и очень несчастен.

Пришел папа. Сели за стол. Во время обеда Джонс не переставая думал о том, как бы уйти в половине девятого. А все семейство гадало, почему это мистер Джонс наводит такую тоску – только ли потому, что он осел, или потому, что он и осел и зануда.

После обеда хозяйка решила попытаться расшевелить го-

стоя и начала показывать ему фотографические карточки. Она показала ему весь семейный музей. Целую кипу альбомов – фотографии папиного дяди и его жены, маминого брата и его малыша, чрезвычайно интересную фотографию друга папиного дяди в бенгальском мундире, поразительно удачную фотографию собаки компаньона папиного дедушки и невероятно скверную фотографию папы в костюме черта на костюмированном балу.

К половине девятого Джонс успел просмотреть семьдесят одну фотографию. Непросмотренных осталось еще около шестидесяти девяти. Джонс встал.

– Ну, теперь я должен попрощаться, – взмолился он.

– Прощаться? – сказали хозяева. – Но ведь сейчас только половина девятого. Разве у вас есть какие-нибудь дела?

– Никаких, – согласился он и пробормотал что-то насчет шестинедельного отпуска, а потом засмеялся горьким смехом.

Тут оказалось, что любимец всей семьи, этакий очаровательный маленький шалунишка, спрятал шляпу мистера Джонса, и тогда папа сказал, что гость должен посидеть еще, и предложил ему выкурить по трубочке и немножко поболтать. Папа выкурил трубочку и поболтал с Джонсом, а Джонс все не уходил. Каждую секунду он собирался сделать решительный шаг, но не мог. Теперь Джонс уже порядком надоел папе; папа начал беспокойно ерзать на стуле и в конце концов с шутливой иронией сказал, что пусть уж лучше Джонс

остаётся ночевать, — у них найдётся для него соломенный тюфяк. Джонс не понял иронии и поблагодарил папу со слезами на глазах, а папа уложил Джонса в свободной комнате, мысленно проклиная его от всего сердца.

На следующий день, после завтрака, папа ушел на службу в Сити, а убитый горем Джонс остался в доме и занялся малышом. Он окончательно пал духом. В течение целого дня он собирался уйти, но все случившееся повлияло на его рассудок, и он был уже не в силах сделать это. Придя вечером домой, папа был удивлен и огорчен, увидев, что Джонс все еще здесь. Он решил вытурить его с помощью шутки и сказал, что, пожалуй, придется взыскивать с него плату за пансион, ха-ха! Несчастный молодой человек сначала вытаращил глаза, а потом яростно стиснул папину руку, уплатил за месяц вперед и вдруг разрыдался как ребенок.

В последовавшие за этим дни он был угрюм и необщителен. Разумеется, он все время торчал в гостиной, и отсутствие свежего воздуха и движения начало пагубно сказываться на его здоровье. Он только тем и занимался, что пил чай да рассматривал фотографии. Он мог часами смотреть на карточку друга папиного дяди в бенгальском мундире, разговаривая с ним, а порой даже осыпая его бранью. Рассудок молодого человека явно угасал.

И наконец катастрофа разразилась. Джонса отнесли наверх в припадке буйного умопомешательства. В дальнейшем состоянии его было поистине ужасно. Он никого не узнавал —

даже друга папиного дяди в бенгальском мундире. Время от времени он вдруг вскакивал на постели и кричал:

– Вот что... По-моему, мне... – а потом со страшным хохотом снова падал на подушку. Затем снова вскакивал и кричал:

– Еще чашку чая и еще несколько фотографий! Фотографий! Ха-ха-ха!

В конце концов после месяца ужасных мучений, в последний день своего отпуска он скончался. Говорят, что, когда наступила последняя минута, он сел в постели и с прекрасной доверчивой улыбкой, которая осветила все его лицо, сказал:

– Ангелы призывают меня к себе. Боюсь, что теперь мне действительно надо идти. Прощайте.

И дух его так же стремительно вылетел из своей темницы, как преследуемый собакой кот перелетает через садовую ограду.

Как дожить до двухсот лет

Двадцать лет назад я знал человека по имени Джиггинс. У него были Здоровые Привычки.

Каждое утро он окунался в холодную воду. Он говорил, что это открывает его поры. Затем он докрасна растирался губкой. Он говорил, что это закрывает его поры. Таким образом он добился того, что мог открывать поры по собственному усмотрению.

Перед тем как одеться, Джиггинс, бывало, по полчаса стоял у открытого окна и дышал. Он говорил, что это расширяет его легкие. Конечно, он мог бы обратиться в сапожную мастерскую и попросить поставить свои легкие на колодку, но ведь его способ ничего ему не стоил, да и в конце концов, что такое полчаса?

Надев нижнюю рубашку, Джиггинс начинал как-то странно дергаться из стороны в сторону, словно собака в упряжке, и проделывал упражнения по системе Сэндоу. Он бросался вперед, назад и вбок.

Право же, любой хозяин охотно взял бы его в дом вместо собаки. Все свое время он проводил в такого рода занятиях. Даже в конторе в свободные минуты Джиггинс любил лежать животом на полу и проверять, может ли он отжаться на суставах пальцев. Если это ему удавалось, он принимался за какое-нибудь другое упражнение – и так до тех пор, пока не

находил такое, которое оказывалось ему не по силам. После чего он проводил остаток часа, полагавшегося ему на ленч, лежа на животе и испытывая полное счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.